УДК 125.1

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ряснова Ольга Владимировна,
Российский университет дружбы народов,
аспирант кафедры истории философии,
г. Москва, Россия.
E-mail: or-0383@yandex.ru

Аннотация
В статье рассматривается феномен глобализации через призму следующих философских проблем: часть и целое, одно и многое, проблема единства. Сопоставляются отклики на проблему глобализации современных отечественных философов (М.К. Мамардашвили, В.В. Бибихин, А.В. Семушкин). Приводится понимание мира как целого А.Ф. Лосева. Автор делает вывод о необходимости и актуальности размышлений над понятием «целое» в связи его значимостью для современных глобализационных процессов.

Ключевые понятия:
глобализация,
единство,
личность,
целое,
часть.

Глобализацию можно кратко определить как комплекс процессов, которые превращают мир в единое целое. Однако является ли искомая глобальная система действительно «единым целым»? Что такое «единое целое» в философии? Тема органической цельности, всеединства стала одной из основных тем для русской философии конца XIX–XX веков, явившись, таким образом, своеобразным откликом, ответом на меняющуюся социальную, экономическую, политическую обстановку в мире.

Основной целью (и одновременно – причиной возникновения) глобализации можно считать достижение благосостояния общества, удобства, материального благополучия. Поэтому «целое» глобализации функционально, служит средством для вещественных, «посюсторонних» целей. В этой связи А. В. Семушкин в одной из последних своих работ указывает на опасность сужения ценностных и смысловых горизонтов современности и противополагает вызову глобализации «вызов трансценденции». Подлинно глобальные цели стоят обязательно «выше простой логики и средств» [12, с. 88]. Именно трансценденция, по А. Семушкину, в нынешнюю эпоху перемен способна стать порядком среди хаоса, тем брошенным в небо якорем, который спасет человеческий корабль, попавший в бурю [12, с. 89].

Пытаясь проанализировать недостатки объединенных, синтетических структур, выдающийся философ и переводчик В. Бибихин рассматривает эллинистический синтез. Эллинистическая культурная религия, вобравшая в себя все религии, «проиграла именно потому, что, впитывая и включая всё подряд, никогда не могла добраться до всего, прочесть все священные книги халдеев, гимнософистов, магов, египтян, хотя бы потому, что тех книг были тысячи или десятки тысяч…Синтез всегда что-то упустит, одно недооценит, другое иерархически поднимет»… [4, с. 317]. Синтез никогда не даст проявиться уникальности. Разрушая границы, он стирает специфические особенности элементов. Процессы, схожие с глобализацией, происходили и во времена Александра Македонского. Александр был убежден, что если напрячь все силы, победа неизбежна: «Предел усилий и предел мира – одно и то же. Как-то само собой получалось, что эти две вещи – мера сил эллинов и вся земля целиком – совпадают» [3, с. 83]. Глобализация – новая попытка объединить мир на неких новых общих основаниях. Но справедливо ли называть эти основания качественно новыми, если между процессами глобализации и американизации можно поставить

знак равенства? Получается, что глобализация – процесс, в результате которого одна из частей стала целым, а вовсе не стихийное самосозидание нового целого, не повторяющего ни одну из своих частей?

Один из философских аспектов глобализации – соотношение диалектических категорий одного и многого. А.Ф. Лосев в книге «Диалектика мифа» пишет, что антиномия одного и многого есть простейшая – в смысле основательности, первичности – антиномия, к которой сводятся антиномии свободы и необходимости, абсолютного и относительного, сознания и бытия и др. По-другому антиномия одного и многого может именоваться антиномией сущего и несущего, бытия и небытия [7, с. 189]. Само по себе стремление к целостности закономерно и правильно, ибо *многое* без *одного* – небытие, несущее, относительное бытие. Целое – полнота бытия, сообщающаяся своим составляющим. О том, что части не есть просто фрагменты целого, а целое не являются механической их суммой, свидетельствует ряд данных естественных наук: явление синергии в биологии, дефект массы в физике и др. В контексте глобализации этот эффект называется эмерджентностью. В диалектике такое соотношение части и целого не исключение, и даже не закономерность, а необходимое условие четкости философского категориального аппарата.

К теме соотношения одного и многого близко подходит тема единства. Говоря о феномене единства, Вл. Бибихин прибегает к природным образам. Например, лес – как такового его увидеть нельзя. Так и природу в целом нельзя увидеть, ведь в ней постоянно происходят переходы, превращения... Поэтому, заключает философ, глядя на природу, мы видим то, чего увидеть невозможно: единство противоположных вещей [3, с. 28]. Способностью видеть природу в целом обладает лишь человек; сама природа себя «со стороны» видеть не может. Единство неуловимо и необъяснимо, но «без этого неосязаемого единства нет ни огня, ни холода как природы, есть только одноразовые ощущения» [3, с. 124]. Природа – это часть мира. Однако даже часть сама по себе не может не представлять единства. Часть целого тоже является сложным целым, как бы осколком зеркала. В современных условиях мирового неравенства, когда между странами-лидерами и периферийными государствами лежит пропасть, невозможно говорить об участниках глобализирующегося мира как о полноценных частях диалектического целого.

В этом же русле мыслил А.Ф. Лосев. Человек-эпоха, переживший и испытавший на себе смену разных политических систем, он не дожил до сегодняшних реалий глобализации, но оставил нам четкое определение мира как целого. В статье «О мировоззрении», рассматривая значение слова «мир», А.Ф. Лосев дает такое определение миру: «Мир есть вся действительность в целом, в ее прошедшем, в ее настоящем и в ее будущем. Частей мира бесконечное количество, но мир один, и вся бесконечность его частей есть нечто одно, а именно сам мир и ничто другое. Но как же это возможно? Это возможно только потому, что мир есть целое, целостность. Сколько бы разнообразных частей мы ни находили в этом целом, оно остается самим собой и в этом смысле совершенно неделимо» [6, с. 309].

Что следует из этих размышлений автора? То, что лишив мир его частей, мы не сможем создать целое. Целое, в контексте рассуждений Лосева, и зависит, и не зависит от своих частей. Зависит – потому что состоит из них, ведь если в целом нет никаких различий, то «оно есть некая абсолютная единица» [7, с. 187]. Однако при этом сумма частей не образует собой целое; целое больше простой совокупности входящих в него элементов, вещей... Если целое можно уподобить космосу, то самопроизвольное собрание вещей – хаосу. В частности, Лосев говорил о «ненормальности» для человека преодолевать большие расстояния (например, перелет из одной страны в другую) за пару часов. Конечно, это не значит, что мы должны отказаться от самолетов, речь идет о другом: стирание границ, упразднение расстояний – это тоже хаос, ненормальное состояние.

Для исследования проблемы частей и целого Лосев привлекает понятие символа. Символ, по Лосеву, есть полное равновесие между «внутренним» и «внешним», «идеальным» и «реальным». Символ напрямую связан с действительностью. Символ есть всегда символ какой-либо реальности, действительности [7, с. 68]. «Символ вещи есть действительно её смысл... Символ вещи есть её знак, однако не мертвый и неподвижный, а рождающий собою многочисленные ... закономерные и единичные структуры...» [8, с. 338]. Здесь становится понятным высказывание Лосева о том, что человечество имеет большую часть мировой силы, «мирового самоутверждения», ведь человек, человечество – символ мира. Однако человечество еще не весь мир.

Какой вывод мы можем здесь сделать? Если действительность есть нечто одно, нечто целое, «действительность саму себя утверждает»; значит, все моменты действительности тоже утверждают самих себя, то

есть «стремятся воплотить в себе это мировое всемогущество, пусть в разной степени». Части есть *воплощение* целого, *воспроизведение* его. В этом смысле части обладают некоторой самодостаточностью. И, следовательно, обладают правом на существование, на то, чтобы быть. Части целого, как пишет Лосев, противоположны друг другу. Но это не взаимоисключающие противоположности: «каждая часть предполагает другую часть и ее воспроизводит». Между целым и его частями, а также между самими частями происходит взаимная борьба и, опять же, борьба не разрушительная, а созидающая, потому что цель её – «объединение этих противоположностей в одном мировом целом». Лосев замечает: «Всё мировое в основе своей есть нечто мирное» [6, с. 305].

Владимир Бибихин, раскрывая и дополняя мысль своего учителя, напоминает, что существуют два слова «мир», два разных значения. Первый «мир» – мир как универсум, писался через і с точкой, так называемое і десятеричное, потому что такое і обозначало цифру 10. «Волнения, настроения отвлекают, спутывают картину. Сознательный человек поэтому естественно хочет мира-покоя; тогда он может говорить о проблемах мира-универсума, как следует всё подразделяя и ничего не перепутывая» [3, с. 77]. Еще один вариант трактовки В. Бибихиным многозначного слова «мир» содержится в его работе «Внутренняя форма слова». Так же, как всякий человек, каждый народ имеет дело с миром. «Народ – исторически существует в той мере, в какой он нашел себя, нашел свое место в мире. Каждая общность находит себя в той мере, в какой допускает быть миру. Община по-русски называется *миром.* Одно из значений этого названия – то, что общество находит себя, когда в обществе имеет место мир» [1, с. 258–259]. Таким образом, мирное и мировое тождественны; один мир оказывается залогом другого. Философский и этический аспекты темы переплетаются. *Борьба* в данном контексте нужна только для достижения мира, иначе она бессмысленна и разрушительна. «Война есть условие всего», – говорит Гераклит. От способности человека выдержать войну, по-гречески «полемос», зависит состояние души человека. Борьба выявляет потенции человека. Комментируя эту фразу Гераклита, М. Мамардашвили пишет, что именно внутри полемоса, в борьбе определяется и решается – кто раб, а кто – свободен. «Война разбрасывает по результирующим ячейкам... Поэтому один может быть сильнее или больше тысячи, говорит Гераклит, если он – наилучший». А качество наилучшего не дано заранее, оно только внутри полемоса определится. Сама стилистика мысли Гераклита – тоже полемос, внутри которого определяется мысль. Ум, по Гераклиту, есть огонь, изменчивая, динамичная стихия [10, с. 95–96].

Философской категорией, которая выступает наивысшей мерой целостности, является *личность*. Личность целостна, в существе своем неизменно сохраняется в течение всей жизни человека. Личность фокусирует все отдельные свойства человека, противоречивые его проявления. Личность не может быть ограничена культурной средой, социальными условиями и т.д. В целостности личности – и ее уникальность, и ее неделимость, оригинальность и единичность. По Лосеву, личность есть *принцип единства.* Этот принцип является определяющим не только для понимания человека, но и для характеристики «всей системы бытия» [5, с. 143]. «Сверх–сущий» принцип единства с разной степенью интенсивности выражается в философских и религиозных культурах. Так, для античности этот принцип имеет числовое выражение (Единое), для Индии – пространственное (Пустота) и т.д. Полноценное, предельное понимание личности видит ее «неповторимой единичностью», которая соотносит себя с собой же. Диалектически личность определяется «специфическое тождество общего и единичного, или с другой стороны, субъекта и объекта, или внутреннего и внешнего» [9, с. 357]. Такая личность, говорит Лосев, есть уже особая философская категория, есть реальная, самостоятельная *субстанция.*

В русле лосевского личностного, субстанционального подхода к человеку, следуя концепции целостности мира, В. Бибихин пишет, что общество призвано быть не муравейником, а миром. Это обеспечивается тем, что «человек узнает себя в другом и находит себя, только допустив себя до такого узнавания. Человек по-настоящему узнает себя не в похожем, а в другом потому, что сам в своем собственном существе тайно угадывает другого» [3, с. 122]. Глубокая, даже таинственная связь мира и человека передается у В. Бибихина в следующих словах : «Хранить целый мир как уже отсутствующий через хранение себя как последнего оставшегося в мире места, где целый мир еще имеет себе место в памяти об отсутствии его спасенного целого» – это единственное достойное дело для человека [3, с. 87]. По мысли философа, сохранить мир – значит, сохранить собственную идентичность, подлинность, не раствориться в мире. Сберечь части – значит, сберечь целое. Личность, «оторванная от всей системы бытия»,

может быть только абстрактной. В свою очередь, «абстрактное овладение обездушенной и совершенно послушной природой есть *техника*» [5, с. 143]. Технократизм подавляет живую личность, превращает человека в индивида, поведение которого навязывается, определяется извне. Человек становится атрибутом громадного глобализированного общества, атрибутом технического прогресса. Поступки человека должны совершаться не в зависимости от общего стандарта, а в соответствии с внутренней личностной необходимостью.

Каковы особенности глобализации в России? Существуют ли, помимо экономических, политических, социальных причин, *метафизические причины* особой судьбы России и русского народа? В. Бибихин прежде всего говорит о том, что русской мысли присуще особое, метафизическое измерение. Русский народ «до всякого знания знает, что земля не для человеческого самообеспечения; что человек, устроивший себя на ней, все равно себя не устроит и устроит не себя. Именно это знание сделало ревностным наше отношение к делу Европы. Мы вызов тому Западу, каким ему всегда грозит оказаться, делом чисто человеческого обустройства на земле. Мы, так сказать, для того, чтобы этого не случилось» [2, с. 234]. В чем состоит наша правда? В том, что мир обречен на метафизику, и не стать ему никогда человеческим устройством. «Мы можем сказать: Россию, какой она сложилась и какой до сих пор она еще остается, устроит только мир. Только в мире разрешится наше никого, прежде всего нас самих, не устраивающее нестроение. Дело поэтому вовсе не в модернизации и не в том, чтобы догнать Запад или Америку. Потому что, похоже, мы скорее готовы увидеть правду в конце мира, чем в простом приспособлении к нему» [2, с. 234]. Приспосабливаться – значит терять свое лицо, встраиваться в систему, разменивать свою уникальность на мнимое благополучие. Приспособление здесь равносильно самоуничтожению. И, начавшись на метафизическом уровне, этот процесс достигнет уровня физического, предметного, хотя и метафизический уровень есть часть реальной жизни [11, с. 595]. Таковы метафизические предпосылки нашей несовместимости с современным «постметафизическим» Западом.

Итак, главное – найти себя, свое место в мире. Мир – тайна, и поиск нашего места в нем – таинственен и не прост, это не поиск видимой, пространственной локализации, но попытка найти способ бытия, найти смысл. «Ключ к миру вовсе не у глобальных организаторов. Ключ к нему, если такой есть, нигде как в этом, которое сродни мудрости, тайном согласии человеческого существа с тем, что человек устроится на земле своими человеческими силами так, чтобы это его окончательно устроило, никогда не может; что мир, как говорит это наше слово, больше похож на согласие целого, чем на сумму вещей» [4, с. 353]. Это значит, что части максимально реализуют себя, находясь в составе целого, и лишь при центростремительном движении частей созидается целое. Части и целое взаимно обогащают друг друга. В противном случае своего места в мире не найти; место будет пустым.

Что связывает людей в глобализирующемся мире, где нивелируются различия между культурными особенностями, традициями, историческим прошлым? Какой универсальный «клей» соединит людей? Это «связующий «клей» представлений, с одной стороны, упрощающих мир и, с другой стороны, удовлетворяющих этих людей» [11, с. 45]. Так говорит М.К. Мамардашвили об идеологических механизмах, но ведь и глобализацию можно расценивать как своеобразную идеологию.

Проблема частей и целого решается А. Ф. Лосевым, М. К. Мамардашвили, В.В. Бибихиным в русле античной традиции, отчасти и в духе современной теории холизма. Глобализация явилась вариацией давних философских дискуссий. Целое, по Аристотелю, больше своих частей, часть есть «диалектическая необходимость» для целого. При этом мир – не просто множество вещей. Мир не есть сумма, мир есть *согласие*. Для согласия необходимо различие. В различии частей, их неоднородности – залог единства. Общество – тоже мир. И человек – мир. Диалектика частей и целого – философская модель общества как «расширенной личности» и личности как «сжатого общества» (Вл. Соловьев). Глобализация абсолютизирует целое, нарушая тем самым диалектическое равновесие между целым и частями. Собственно, «целое» глобализации является не метафизическим *целым* в полном смысле слова, но следствием конкретных современных процессов. Претендуя на «глобальность», глобализированный мир не имеет онтологического статуса.

Глубина и целостность философской рефлексии позволяют связать многообразные аспекты глобализации воедино. В нашей статье мы попытались привлечь в качестве философского критерия глобализации универсальное понятие целого. Ос-

новываясь на текстах выдающихся отечественных философов, мы проанализировали феномен глобализации и выявили несовпадение философского понятия целого и понятия целого как глобальной системы.

1. Бибихин, В.В. Внутренняя форма слова [Текст] / В.В. Бибихин. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. 420 с.
2. Бибихин, В.В. Другое начало [Текст] / В.В. Бибихин. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. 430 с.
3. Бибихин, В.В. Мир [Текст] / В.В. Бибихин. СПб.: Изд-во «Наука», 2007. 212 с.
4. Бибихин, В.В. Язык философии [Текст] / В.В. Бибихин. СПб.: Изд-во «Наука», 2007. 389 с.
5. Лосев, А.Ф. Возможные типы мифологии [Текст] / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф.: Из творческого наследия: современники о мыслителе. М.: Русский мир, 2007. 776 с.
6. Лосев, А.Ф. Дерзание духа [Текст] / А.Ф. Лосев. М.: Политиздат, 1988. 366 с.
7. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа [Текст] / А.Ф. Лосев. М.: Академический проект, 2008. 303 с.
8. Лосев, А.Ф. Логика символа [Текст] / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф.: Из творческого наследия: современники о мыслителе. М.: Русский мир, 2007. 776 с.
9. Лосев, А.Ф. История античной эстетики: итоги тысячелетнего развития [Текст] / А.Ф. Лосев. Кн. 1. М.: Искусство, 1994. 604 с.
10. Мамардашвили, М.К. Лекции по античной философии [Текст] / М.К. Мамардашвили. М.: «Аграф», 1999. 301 с.
11. Мамардашвили, М.К. Очерк современной европейской философии [Текст] / М.К. Мамардашвили. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 608 с.
12. Семушкин, А.В. Вызов трансценденции [Текст] / А.В. Семушкин // Метафизика. 2013. № 2. С. 88–100.

References

1. Bibihin V.V. (2008) Vnutrennjaja forma slova. Saint Petersburg, Izd-vo «Nauka», 420 p. [in Rus].
2. Bibihin V.V. (2008) Drugoe nachalo. Saint Petersburg, Izd-vo «Nauka», 430 p. [in Rus].
3. Bibihin V.V. (2007) Mir. Saint Petersburg, Izd-vo «Nauka», 212 p. [in Rus].
4. Bibihin V.V. (2007) Jazyk filosofii. Saint Petersburg, Izd-vo «Nauka», 389 p. [in Rus].
5. Losev A.F. (2007) Vozmozhnye tipy mifologii // A.F. Losev: iz tvorcheskogo nasledija: sovremenniki o myslitele. Moscow, Russkij mir, 776 p. [in Rus].
6. Losev A.F. (1988) Derzanie duha. Moscow, Politizdat, 366 p. [in Rus].
7. Losev A.F. (2008) Dialektika mifa. Moscow, Akademicheskij Proekt, 303 p. [in Rus].
8. Losev A.F. (2007) Logika simvola // A.F. Losev: iz tvorcheskogo nasledija: sovremenniki o myslitele. Moscow, Russkij mir, 776 p. [in Rus].
9. Losev A.F. (1994) Istorija antichnoj jestetiki: Itogi tysjacheletnego razvitija. Kn.1. Moscow, Iskusstvo, 604 p. [in Rus].
10. Mamardashvili M.K. (1999) Lekcii po antichnoj filosofii. Moscow, «Agraf», 301 p. [in Rus].
11. Mamardashvili M.K. (2014) Ocherk sovremennoj evropejskoj filosofii. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 608 p. [in Rus].
12. Semushkin A.V. (2013) *Metafizika*, no. 2, pp. 88–100 [in Rus].

UDC 125.1

MODERN GLOBAL PROCESSES AS A PHILOSOPHIC PROBLEM

Ryasnova Olga Vladimirovna,
the Peoples' Friendship University of Russia,
Post-graduate Student of the Department Chair of the History of Philosophy,
Moscow, Russia.
E-mail: or-0383@yandex.ru

Annotation
The article considers the phenomenon of globalization from the perspective of the following philosophic problems: part and whole, one and many, the problem of unity. Responses to the problem of globalization of modern native philosophers (M.K. Mamardashvili, V.V. Bibikhin, A.V. Semushkin) are compared. The author presents A.F. Losev's conception of the world as the whole. The author makes a conclusion about the necessity and topicality of considering the term "the whole" in connection with its importance for modern global processes.

Key concepts:
globalization,
unity,
personality,
the whole,
part.